I

Начну с повести Льва Николаевича Толстого «Смерть Ивана Ильича». Судейский человек, Иван Ильич Головин, окончив училище правоведения, неспешно делал карьеру, перебираясь из одного провинциального города в другой. В 1880 году с героем случилось несчастье.

Дальше предоставляю слово Льву Николаевичу:

«Иван Ильич ждал места председателя в университетском городе, но Гоппе убежал как-то вперед и получил это место. Иван Ильич раздражался и стал делать упреки и поссорился с ним и ближайшим начальством»[1].

Чтобы понять причину раздражительности Ивана Ильича Головина, надо знать, что на всю Россию в 1880 году было всего пять Императорских университетов.

Петербург, Москва, Казань, Томск, Дерпт (Юрьев).

Статус университетского города значил очень много. Так что Воронежу повезло, когда он в 1918 году обрел этот статус, благодаря переводу из Лифляндии Юрьевского университета. Справедливости ради отмечу, что к этому

---

[1] Толстой Л.Н. Собр.соч. в 12 тт. / Л.Н.Толстой — М, 1958 — Т. 10 — С. 148.

времени государственные (точнее — императорские) университеты уже были в Варшаве, Харькове, Одессе…

И все-таки…

Статус университетского города — знак отличия.

Кучка юрьевцев (и преподавателей, и студентов) преобразила город.

Это была поистине могучая кучка.

Без всякой иронии. Без метафор. Без кавычек.

Дело не в фуражках с серыми околышами и не в тужурках.

Дело не в слове «коллега», которое юрьевцы ввели в обращение, и слово это начало свою созидательную демократическую работу.

Дело в том, с каким достоинством небольшая группа юрьевцев стала обращать в свою веру стотысячный город.

И — обратила.

Когорты преподавателей на протяжении почти столетия сменяют друг друга, но неизменным остается одно — их естественная интеллектуальная состоятельность.

Михаил Семенович Цвет.

Николай Нилыч Бурденко.

Иван Иванович Шмальгаузен.

Борис Михайлович Козо-Полянский.

Мария Афанасьевна Левитская.

Илья Николаевич Бороздин.

Марк Александрович Красносельский.

Яков Александрович Угай.

Федор Николаевич Мильков.

Это — лидеры. А рядом — тысячи преподавателей и студентов, целеустремленно и созидательно творивших университет.

С момента своего возникновения и по сию пору университет — уникальная градообразующая структура, не позволяющая Воронежу раствориться среди преуспевающих губернских центров Центральной России.

Юрьевская научная кровь была замешена на гуманистических традициях общеевропейской цивилизации.

Потому, вероятно, и выстоял университет в бурные двадцатые, когда классическим университетам была уготована судьба старательных приложений к заводским цехам.

Потому и в годы войны устоял университет, скукожившийся в июле сорок второго до двух телег, вывозивших из города гербовую печать да документы ректората.

А после войны как вуз-лидер состоялся.

Конечно, проблем много: высшее образование сегодня не в фаворе. Думающий специалист стране сегодня не очень нужен — власть предпочитает иметь дело с послушными исполнителями, которые легко берут под козырек и не задают лишних вопросов.

В вузовских программах торжествует прагматика, а не теория, не наука. Содержать серьезную научную школу сегодня накладно, да и бесперспективно — реализовывать идеи, рожденные в молодых извилинах, почти невозможно: промышленность лежит, а та, что еще держится на плаву, ориентируется на западные научные разработки и на западные технологии.

Тем более, что нетерпеливое наше государство ждет реализации научных идей не послезавтра, и не завтра, а сегодня к вечеру.

Модель системного научного поиска в вузах отсутствует.

Да и сама концепция университета как серьезного научного центра в административных умах отсутствует.

И в мозгах работодателей — тоже.

— Вы не волнуйтесь за свой товар, — вежливо успокаивают вузовских педагогов работодатели. — Готовьте людей, способных реализовать наши проекты. Реальному делу мы их сами обучим.

К чести нашего университета, он пытается сохранить свое научное лицо.

Потому и стоит сегодня крепко: строит учебные корпуса, общежития…

Ничего не боясь и себя уважая.

По крайней мере, хочется в это верить.

II

В университете я — свой.

Потому что здесь все свои.

Чужие самым удивительным образом в университете не задерживаются.

Своему скажут в глаза все, что о нем думают.

Постараются понять.

Вместе порадуются успеху и погорюют о потере.

Университет — пространство задумывающихся людей.

Лето 2012 года. Университетские сады в Успенской Хавке.

Вечер. Звезды. Асфальтовая дорога, тянущаяся к Шуриновке. Мы прогуливаемся с Анатолием Николаевичем Латышевым в пространстве мироздания между Шуриновкой и Успенской Хавкой.

Молчащий до того Анатолий Николаевич неожиданно говорит:

— А все-таки жаль, что все это кончится.

— Что кончится? — спрашиваю.

— Все это, — делает взмах рукой Латышев.

Анатолий Николаевич Латышев, доктор физико-математических наук, много лет заведовавший кафедрой оптики нашего физфака.

— Представляешь, — говорит мой спутник, — сейчас все это есть, а потом ничего не будет. Никогда.

— А что будет? — спрашиваю я.

— Ничто, — отвечает Латышев.

— Когда наступит ничто? — беспечально спрашиваю я.

— Примерно через четыре с половиной миллиарда лет, — отвечает заслуженный деятель науки Российской Федерации.

— Слушай, — осторожно спрашиваю я, — а ты своих пращуров до какого колена помнишь?

— До прадедов, — признается Латышев.

— А я — до дедов. В отцовском архиве обнаружил справку, что мой дед по отцу родился в 1856-м году. То есть в год окончания Крымской войны. А я родился в 1934-м. В год челюскинской эпопеи. Встречаться мог только с Михаилом Водопьяновым, одним из первых Героев Советского Союза. Так что пространство в четыре с половиной миллиарда лет для меня реальностью не выглядит.

— А для меня выглядит, — возражает Латышев. — Не хочу соглашаться с тем, что когда-то наступит ничто.

— Таковы законы энтропии, — учено утешаю я.

— Ну и что? — не соглашается спутник. — Все равно мне трудно это принять.

С Анатолием Николаевичем Латышевым мы знакомы более полувека — с эпохи детских колясок с дочерьми, которые мы выкатывали в Детском парке, носившем некогда гордое имя Третьего Интернационала.

Понимаем друг друга с полуслова.

Для меня Анатолий Николаевич (в обиходе — Толик) — университетский человек.

То есть человек, живущий творчеством.

Умеющий заглядывать за горизонт.

Советскому университету не слишком повезло в XX веке.

Началось с того, что его лишили великого права — автономии.

Права самому определять течение собственной жизни.

К тому же долгие годы от университета требовали не обучение полету мысли, а навыков обращения с логарифмической линейкой и классового понимания исторических и иных процессов, протекающих в обществе. Университет готовил учителей.

Потом спохватились — требовали открытий в пробирках и колбах, отлитых в середине тридцатых годов.

Но помимо пробирок для научного поиска требуется бесстрашие.

Умение заглянуть за горизонт.

И, разумеется, достойная профессиональная подготовка.

Учеными-мыслителями университет наш никогда не был скуден: Петр Григорьевич Богатырев, Алла Борисовна Ботникова, Ростислав Эрнестович Нейман, Селим Григорьевич Крайн, Дюис Данилович Ивлев, Игорь Павлович Распопов, Владислав Петрович Скобелев, Валентин Сидорович Рахманин, Николай Михайлович Чернышов.

С Валентином Сидоровичем Рахманиным мы знакомы с пятьдесят четвертого. В том году я поступил в университет. Лежу в общежитии (тогда абитуриентам давали общежитие на время экзаменов), штудирую географию (тогда поступающие на истфилфак сдавали географию).

Стук в дверь.

— Входите! — кричу я, не отрываясь от учебника.

Дверь открывается, в комнату входит молодой человек в голубой тенниске.

— Я — секретарь комитета комсомола Валентин Рахманин. Какие будут просьбы?

— Если можно — организуйте мне пятерку по географии, — говорю я.

Пришелец смеется.

Я — тоже.

Вот так и познакомились на всю доставшуюся жизнь. Часто встречаемся, обсуждаем насущное. А что может быть насущнее университетской жизни. Спросил однажды:

— Ты в университете с сорок восьмого. Какое время было самым трудным?

Валентин Сидорович ответил сразу, как давно решенное:

— Отставка Бориса Ивановича Михантьева с поста ректора. С моей точки зрения, Борис Иванович был идеальным ректором. Ты помнишь то время?

— Помню.

— И я помню. Борис Иванович не только отчетливо представлял, каким должен быть университет — он очень быстро создал команду единомышленников, вместе с которой реализовал свои планы. Ректорство Михантьева — время сбывавшихся надежд.

— А еще — очень демократичное время.

— Мне кажется, — вздохнул Рахманин, — потому Борис Иванович и ушел, что не очень вписывался в каноны жизни, его окружавшей. Очень на него давили — и из обкома, и из министерства. А гнуться ректору не хотелось. Вот и ушел.

— Однако же Борис Иванович умел защитить тех, кого обижали. Университет в те годы был притяжением для обижаемых.

— Это нормальная функция российского университета, — засмеялся Рахманин. — Мы же готовим специалистов. Специалист — это не чемодан, набитый рукописями, а живой человек. Индивидуальность — прежде всего. Мир формирует личность. Разве можно об этом забывать?

Давно случился этот разговор.

Сегодня нет-нет да и встретимся мы с Валентином Сидоровичем на подходах к нашим факультетам. Идет несгибаемый Рахманин на кафедру.

Трудно идет, опираясь на простецкую палку.

Но — идет.

Человек университета.

Профессор Валентин Сидорович Рахманин.

Университету никогда не требовалось представляться лидером — он был им по существу своему.

И таким остался.

III

В ноябре в Доме актера выступал профессор Владимир Дурденко.

Это был очередной диалог Владимира Андреевича с аудиторией.

Не помню уж какой — десятый, одиннадцатый, двенадцатый.

Доктор технических наук, сотрудник факультета компьютерных наук говорил о главном — о том, как мы живем в мире, который сами же и обустроили.

Университетскому профессору было что сказать аудитории.

Хорошо, что в Воронеже есть голоса, к которым стоит прислушиваться.

Хорошо, что в Воронеже есть университет.

Обитель талантливых людей.

Университет это заслужил.

Владимир Андреевич Дурденко в тот вечер пел под гитару, читал стихи и прозу, доверительно разговаривал с аудиторией.

Это тоже традиция русского классического университета — его духоподъемность.

Его эстетическое верховенство в среде обитания.

«Картофельные семестры» придумала власть, а «Весны» и «Перваки» — студенты.

Если мне не изменяет память — студенты нашего университета.

Тут все закономерно.

Юрьевцы, перебравшиеся в Воронеж, подарили городу не только свою библиотеку и музейные коллекции, но и особый стиль жизни.

Способность самостоятельно принимать решения.

Порядочность.

Надежность.

Добросердечие.

Изобретательность.

Пять лет назад Художественный музей устроил выставку картин, посвященных университету.

Какие-то произведения создавались к юбилею, какие-то доставали из запасников.

Примечательная получилась выставка — галерея несердитых лиц.

Схожих своей открытостью.

Что вполне естественно.

В университете привыкли говорить то, что думают.

В университете привыкли к свободному волеизъявлению.

Старый маляр Редька из чеховской повести «Моя жизнь» приговаривал: «Тля ест траву, ржа — железо, а лжа — душу».

«Лжа» нашей жизни не в заблуждениях, а в сознательном искажении правды.

В цене часто оказывается не мысль, а готовый шаблон.

Матрица.

Готовое лекало приучает к изворотливости руки, а не к самостоятельному поиску гармонии линий.

К счастью, в университете много людей, умеющих мыслить небанально.

Людей, хорошо ориентирующихся в пространстве бытия.

Конечно, случается всякое, но одна из самых приметных черт университетского люда — его несгибаемость.

Признание права ощутить себя свободным человеком.

Сергей Александрович Запрягаев — один из таких людей.

В середине «нулевых» Сергей Александрович был первым проректором университета.

Худощавый, немногословный (очень немногословный) профессор-физик симпатий университетского коллектива не снискал.

За глаза его звали «Угрюм Бурчеев».

Помните такого градоначальника, который, обосновавшись в городе Глупове, придуманном Салтыковым-Щедриным, приказал повернуть речку вспять, а когда та все-таки прорвала плотину, велел ее выпороть?

Когда я однажды рассказал первому проректору, как его коллектив именует, Сергей Александрович усмехнулся:

— Могли бы придумать что-нибудь поинтереснее.

Сегодня — по прошествии лет — я думаю, что те, кто видел в Запрягаеве Угрюм-Бурчеева (и я в их числе), были неправы.

Сергей Александрович был (да и остается) абсолютно свободным человеком, и свои представления о том, каким ему видится университет, воплощал в жизнь. В свою собственную жизнь.

Времена были невероятно трудными для всей страны, и Сергей Александрович это прекрасно понимал. А, понимая, как мог, старался остановить Хаос, превратив его в благопристойный Космос.

Многие думали о выживании университета — первый проректор полагал, что у нашего университета есть реальные перспективы для развития даже в те невероятно сложные годы.

От Запрягаева ждали сочувствия, а он предлагал тем, кто рассчитывал на утешение, заниматься делом.

Ощущал себя правым, менять свои убеждения не собирался.

И остался тем, кем был всегда — человеком, верным своему делу.

Свободный человек в самооправдании не нуждается.

Университет — пространство свободных людей.

Свободного человека одолеть невозможно.